

The background of the book cover is a dramatic sunset scene. A large, bright yellow sun is low on the horizon, casting a warm orange glow across the sky. In the foreground, the silhouette of a cowboy wearing a hat stands with his back to the viewer, looking out over a vast, flat landscape. A wooden fence and a small barn are visible in the distance. The sky is filled with soft, orange clouds, and there are some dark, jagged shapes in the upper corners that look like cracks or tears in the surface.

Парень из Буффало-Ридж

Александр Дари

Александр Дари

Парень из Буффало-Ридж

«Автор»

2026

Дари А.

Парень из Буффало-Ридж / А. Дари — «Автор», 2026

«Парень из Буффало-Ридж» — захватывающий вестерн о жажде справедливости и цене возмездия. На фоне величественных пейзажей разворачивается история городка Буффало-Ридж — места, где закон часто уступает силе, а человеческая жизнь стоит не дороже пули. Автор мастерски воссоздаёт атмосферу Дикого Запада: опасные засады и зрелищные перестрелки прописаны с кинематографичной точностью — словно каждая сцена снята в духе культовых вестернов Сэма Пекинпа. Книга придётся по душе поклонникам вестерна и динамичных приключенческих историй — всем, кто ценит дух свободы, напряжённый сюжет и суровую романтику Дикого Запада.

© Дари А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Парень из Буффало-Ридж

Глава 1

Представьте себе бескрайние равнины, раскинувшиеся до самого горизонта, — здесь воздух настолько прозрачен, что кажется можно рукой дотянуться до бездонного голубого неба. Даже в самый жаркий полдень небо ослепляет своей первозданной чистотой: оно такое безудержно светлое, что взгляд невольно теряется в его безграничной синеве. Широкие просторы уходят вдаль, растворяясь в дрожащем мареве летнего зноя, — будто сама земля дышит в такт раскалённому воздуху.

Взгляните на запад: у подножия суровых, величественных гор, берут начало чистые, как слеза, горные реки. Они пробивают себе путь сквозь каньоны и овраги, с грохотом и пеной срываясь по уступам, чтобы дальше, на равнине, слиться с широкими, неторопливыми потоками. Их воды, бурлящие и неукротимые, словно живые существа, несут в себе силу и энергию горных вершин, а потом, смиряя свой бег, обретают спокойствие равнинных просторов. Так рождается гармония двух миров — дикой горной мощи и безмятежной шири степей.

Когда-то эти земли были домом для могучих стад бизонов: их тёмные силуэты величественно вырисовывались на фоне закатного неба, превращая степь в живое полотно. По ночам тишину нарушало лишь мелодичное пение ночных цикад да протяжные крики койотов, эхом разносившиеся по округе и терявшиеся, где-то за горизонтом. Сама природа здесь говорила на своём древнем языке — языке ветра, воды и бескрайнего неба. Время не пощадило первозданную тишину этих мест. Земли теперь изрезаны следами цивилизации.

Посмотрите на восток, где равнина встречается с возвышенностью: среди неприступных скал и глубоких ущелий пролегла железная дорога. Она, словно стальная стрела, прорезает этот суровый, но прекрасный край, соединяя его с остальным миром. Это символ прогресса и неизбежных перемен — дорога, которая приносит новые возможности, но навсегда меняет облик древней земли.

Между цепью гор и стремительной рекой, на землях, где когда-то кочевали мудрые и отважные шайены, теперь стоит небольшое поселение — Буффало-Ридж. Народ шайенов давно покинул эти места, уйдя далеко на север, к далёким, заснеженным вершинам, и теперь лишь едва уловимые отголоски их преданий витают в воздухе, смешиваясь с шелестом травы и рокотом воды.

У горной реки, где вода с рёвом несется по камням, на кромке берега раскинулся лагерь старателей. Палатки из грубого брезента и самодельные навесы жались к скалам, будто искали у них защиты от порывистого ветра. Между ними вились узкие тропинки, протоптанные в гальке и жёсткой траве, а кое-где землю устилал разбросанный хворост и сухая трава — чтобы ноги не мерзли по утрам. Чуть поодаль, под навесом из потемневшего от дождей полотна, натянутого на грубо обтёсанные столбы, готовился ужин: над тлеющими углями висел закопчённый котёл, и густой аромат оленины с луком плыл над лагерем, перебивая запах сырости и мокрого камня. Рядом притулилась самодельная полка из досок, на которой теснились жестяные банки, пучки сушёных трав и стопка помятых жестяных тарелок.

В центре лагеря чернело место для костра — круг из обгоревших валунов, внутри которого ещё тлели угли от вчерашнего огня. Вокруг него валялись перевёрнутые ящики, служившие сиденьями, да пара грубо сколоченных табуретов. Тут же, прислонённый к камню, стоял старый медный чайник с отбитым носиком, а неподалёку сушились на верёвке промокшие рукавицы и потрёпанные шарфы. По краям лагеря виднелись приметы старательского быта:

лотки для промывки золота, кирки, лопаты, чьи рукоятки были отполированы ладонями до шелковистого блеска. У одной из палаток громоздилась груда мешков и свёртков, а рядом на колышке висел жестяной фонарь — его тусклое стекло было покрыто сеткой мелких трещин.

Солнце палило так, что казалось, само небо решило выжечь долину дотла. На берегу реки, в зыбкой тени рваного брезентового навеса, гнули спину двое приятелей. Джон Макбери — бывалый вояка ирландских кровей — двигался с той собранной сдержанностью, какая бывает у людей, привыкших к опасности. Рядом с ним склонился над лотком Сэм — постаревший старатель, чьё лицо было изрезано морщинами, точно карта забытых троп. В его глазах ещё тлел азарт былых лет, но руки уже не так уверенно держали лоток, а спина всё чаще ныла от вечной склонённости над водой.

Джон работал усердно, что казалось от каждого движения зависела его жизнь — а может, так оно и было на самом деле. Он зачерпывал лопатой тяжёлый, мокрый песок, швырял его в широкий сколоченный лоток, стоявший неподалеку, а потом пускался в эту бесконечную, выматывающую душу пляску: крутил лопатой, промывал мутную воду — и снова накидывал.

Сэм стоял неподалеку, держал в руках лоток поменьше. Песок струился сквозь пальцы вместе с водой, обнажая тёмные, неподатливые крупинки простой каменной породы. Река не спешила отдавать свои тайны. Сэм прищурился, пытаясь разглядеть в этой мутной воде крупинцы золота.

— Не густо нынче, — проворчал он, не поднимая глаз. Голос у него был хриплый, словно его когда-то опалило дымом и так и не вылечило временем.

— Ещё немного, Сэм, — хрипел Макбери, вытирая рукавом лицо, покрытое коркой из пыли и пота.

— И что в результате: пара золотых пылинок за день? Клянусь, я рухну прямо здесь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая скалы в багряные тона. Старатели направились в лагерь на берегу. Джон Макбери, закончив работу, замер у кромки реки, опутив нагруженные руки, подумав о доме, о семье. Прошлое накатило на него тяжёлой волной — так же неукротимо, как бурлящий поток перед ним.

Перед глазами встало их ранчо — когда-то гордое и крепкое, а теперь словно постаревшее раньше времени. Покосившийся забор - ссутулившийся под тяжестью невзгод. Крыша амбара, местами прогнившая, с тёмными пятнами сырости. Поля, которые ещё несколько лет назад радовали глаз золотистыми колосьями, теперь выглядели уныло: земля истощилась, её скудные дары едва покрывали нужды семьи. В воздухе витал запах сена и конского пота.

Мэри стояла у порога, в застиранном, выцветшем платье. Её руки, привыкшие к труду, были сложены перед собой, а в глазах читалось волнение.

— Джон, я собрала несколько початков кукурузы да горсть бобов — всё, что удалось спасти с наших грядок. Ещё прихватила пару тыкв, но они мелкие, едва ли с кулак. Если так пойдёт и дальше, мы не сможем прокормить себя до зимы... А ведь скоту тоже нужно что-то есть.

Джон вошел в дом и подошел к жене. В его глазах читалась тревога за будущее семьи.

— Я долго думал, Мэри. Пришло время решиться. Я подумываю отправиться на старый прииск. Говорят, там всё ещё можно найти удачу.

— Отец! А как же ранчо? Кто будет помогать нам с хозяйством?

Келвину было пятнадцать, но в тот день он казался старше своих лет. Стоял чуть позади матери. В его взгляде мелькала обида — ведь отец оставлял их одних.

— Ранчо в упадке. Если я не попробую, мы потеряем всё. Это наш последний шанс. Помнишь, я рассказывал тебе о золотых приисках? — обратился Джон к сыну. — Там можно заработать достаточно, чтобы купить новую землю и начать всё сначала.

— Но ведь не все находят золото...

— Да, Мэри, да. Это правда. Но удача может улыбнуться и нам.

Мэри подошла ближе, её лицо выражало и страх, и решимость.

— Будь осторожен, Джон. Мы будем ждать тебя здесь и молиться, чтобы удача была на твоей стороне. - Её голос, хоть и дрожал, звучал твёрдо, когда она просталась с ним.

— Спасибо, Мэри. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Джон собрал пожитки, обдумывая каждую вещь, чтобы лишнего не тащить, взял ружье, оглядел семью. Он глубоко вздохнул, чувствуя тяжесть решения на своих плечах. Завтра его ждёт долгий путь к приискам. В этих суровых краях только самые отважные находили своё счастье. Выходя из дома, он обнял их и сказал, обращаясь к сыну:

— Кэл, помогай матери, береги её. — и шагнул к лошади.

Здесь у горной реки вдали от родного ранчо, образы близких для старшего Макбери стали опорой. Памятью о себе они напоминали, ради чего он здесь.

— Джон, мы готовим ужин. Ты с нами? — к нему подошёл помощник шерифа Томас. Они были друзьями и с давних пор знали друг друга — вместе служили в армии, когда были моложе. В те годы не раз выручали друг друга: Джон прикрывал Томаса в самых жарких переделках, а Томас потом вытаскивал Джона из передраг, в которые тот вечно попадал из-за своего вспыльчивого характера. С тех пор между ними и завязалась крепкая дружба.

Добродушный Томас оказался здесь по долгу службы. Он стал помощником шерифа после армии — и согласился почти сразу, едва услышав предложение. Томас был человеком простым, без особых амбиций, и мысль о долгих поисках другой работы его совсем не радовала. Куда проще принять то, что само идёт в руки. Он редко вмешивался в дела прииска, да и вмешиваться было особо не во что — здесь царили свои законы, суровые и простые: работай пока не упадёшь или уходи. Но присутствие его в лагере напоминало, что есть хоть какой-то законный порядок. Иногда он подходил к Макбери и Сэму, молча наблюдал за их работой, щурясь от солнца.

— Тяжёлый день, — сочувственно продолжил Томас.

— Да уж, — ответил Макбери, поднимая лоток и забирая с собой лопату.

Оба направились под навес, где готовился ужин. Расселись у костра. Старый Сэм помещивал варево в закопченном котле, время от времени пробуя похлёбку длинной деревянной ложкой. Долговязый МакГрейвз устало опустил на чурбан рядом с костром и принялся растирать ноющие плечи, время от времени бросая короткие взгляды на кипящий котёл. Юный Билли, не в силах усидеть на месте, суетливо подтаскивал к огню сухие ветки, стараясь держаться поближе к старому Сэму — ему хотелось во всём ему помогать и не пропустить ни единого совета бывалого старателя.

Дни сливались в один бесконечный, серый поток. Жара сменялась ветром, который швырял песок в глаза, заставляя слезиться. Прииск давал возможность жить и сулил немало денег, но золота было мало, так мало, что многие разочаровались и ушли. В их лагере осталась небольшая горстка — человек шесть.

Макбери не начинал день, пока не проверит ружьё. Неторопливо протянув руку к углу палатки, он нащупал завернутое в кусок ткани оружие. Обхватив приклад, Макбери развернул ружьё и привычно проверил затвор.

В этих диких местах утро могло подкинуть что угодно: шайки разбойников легко могли появиться в любой момент. Убедившись, что ружьё в порядке, он взял лопату с лотком и отправился на прииск.

Вода шумела рядом, обтекая камни, подбадривая его своим неумолчным говором. Старый Сэм, ссутулившись, как обычно ворошил лоток, пытаясь поймать крупницу удачи. Его руки, покрытые сетью старых шрамов и трещин, уже почти не чувствовали тяжести, а в груди поселилось то самое горькое чувство, когда надежда становится привычкой, а не верой. В тот день всё шло как всегда — монотонно, тяжело, безнадежно. Джон выгребал лопатой куски породы, почти машинально поддел следующий пласт, как вдруг лопата споткнулась обо что-то твёрдое

— не о камень, который бы просто скользнул в сторону, а о нечто неподатливое. Джон наклонился, отбросил лопату и принялся разгребать влажную породу руками. Пальцы наткнулись на что-то гладкое, непривычно тяжёлое.

Сэм поднял голову, прищурился, будто пытаясь прочесть в лице Джона ответ, прежде чем тот его произнесёт.

— Что там? — хрипло спросил Сэм, откладывая лоток в сторону.

Джон наклонился, счистил налипшую глину, обнажая неровную поверхность валуна, и замер: это был огромный кусок породы, пронизанный золотистыми прожилками, а сбоку из неё выступал тяжёлый, тускло поблескивающий самородок.

— Золото, — выдохнул он, не веря собственным глазам.

Сэм медленно опустился на колени, взял кусок породы, поднёс к глазам. Жёлтые прожилки змеились по тёмному камню. Река наконец решила раскрыть свою тайну. Губы его дрогнули в улыбке, которую он не позволял себе уже много месяцев.

— Ну что ж, — прошептал Сэм, — похоже, удача наконец повернулась к нам лицом. В его глазах мелькнуло что-то радостное — не просто надежда, а предчувствие перемен к новой жизни.

Джон уже копал дальше, с новой силой, с новой жадой, будто боялся, что чудо исчезнет, стоит ему остановиться. Сэм наблюдал за ним, и в груди у него разгорался тот самый огонь, который, как он думал, давно погас. То тут, то там и другие старатели находили золото.

Так, в один миг, серый поток дней разорвался ослепительной вспышкой — группа старателей напала на золотую жилу. За пару дней этот участок реки перекопали. Берег, прежде ровный и плавный, теперь тонул в горах вынудой глины. Разбросанные лопаты и лотки наполовину утопали в грязи. Землю здесь вывернули наизнанку — словно какой-то исполин в ярости порвал её когтями. Каждый радовался тому, что смог добыть в общий доход: МакГрейвз — самородку размером с ноготь, его приятель Харви, не веря своему счастью, сгребал в мешки песок, сверкавший золотыми искрами. Старый Сэм, прокопчённый солнцем, помогал Джону. А юный Билли, едва успевший сменить отцовский револьвер на кирку, метался от ямы к яме, боясь упустить хоть крупицу этого внезапного богатства. Золотой песок засыпали в мешочки, самородки отдельно складывали в подсумки.

В последующие дни, вниз по течению россыпи не находили — ни крупинки, ни намёка на блеск среди комьев глины. Старатели устало снимали пласт за пластом, но река хранила молчание. Лишь изредка кто-нибудь вздыхал, вытирая рукавом мокрое от брызг лицо.

— Ладно, — сказал МакГрейвз, отбрасывая лопату в сторону и вытирая платком пот с лица. — Довольно с меня. Тут больше нечего искать. Беру свою долю и возвращаюсь в посёлок.

— До посёлка три дня пути, а ты уверен, что в дороге не встретишь пару-тройку горячих голов, которым убить человека раз плюнуть? — заметил Джон, хмуро поглядывая на горизонт, где солнце уже клонилось к закату.

— Про наш прииск знают. В этих краях золото — как кровь для волка: чуют за версту.

— У меня есть ружье, — гордо ответил МакГрейвз.

— И что? Один ствол против шайки — это не защита.

— Вместе нужно держаться. Так надёжнее, — заметил Сэм.

— Мы же не можем просто бросить все тут — все наши вещи, телеги, лошадей? — спросил Билли, — как тогда мы привезем золото?

— Золото-то мы нашли, но радости от него мало, если до города не довезём, — добавил Сэм и провёл ладонью по щетине.

— С такой поклажей выйдет все пять дней пути, — буркнул подошедший Томас.

— Давайте отправим Томаса. — Сэм скрестил руки на груди и прищурился, будто взвешивая слова. — Пусть приведёт подмогу — с ними нам будет спокойнее возвращаться.

— Верно, Сэм.

— Томас - помощник шерифа. – сказал МакГрейвз, подтягивая подпругу на своей лошади, - ему будет проще договориться. Я дам ему свою гнедую — лучшую в округе. Если поедет сейчас - будет в городе через день - два, а через пять вернётся с подмогой.

Макбери молчал, глядя на тяжёлые мешки с поклажей и с золотым песком, потом на товарищей.

— Пусть едет, — выдохнул он.

Сэм усмехнулся и хлопнул его по плечу. Затем достал флягу и протянул Томасу.

— Вот, возьми. Объем не большой, но до поселка хватит. И держи револьвер заряженным.

Томас взял флягу, сунул её в седельный мешок, проверил кобуру и, не оглядываясь, прищипорил лошадь. Пыль взметнулась из-под копыт, и вскоре его фигура растворилась в золотистом свете заката.

Сэм проводил его взглядом и повернулся к товарищам.

— Теперь главное — продержаться эти дни.

МакГрейвз мрачно кивнул, поправляя шляпу.

Джон Макбери тихо произнес, оглядывая лагерь:

— Лишь бы никто не понял, что мы тут золото нашли. Иначе эти дни для нас покажутся вечностью.

Пока старатели на прииске с тревогой ждали возвращения Томаса, сам он мчался по пыльной дороге, подгоняя гнедую лошадь МакГрейвза. Два дня пути пролетели незаметно. Ветер свистел в ушах. Солнце безжалостно палило, но Томас не позволял себе сбавить темп. Он понимал: время работает против них. Каждый час промедления мог стоить старателям жизни. Наконец, впереди показались очертания города. Дома, салуны, лавки — всё казалось таким обыденным, почти мирным. Томас спешил у здания шерифской конторы, привязал скакуна и решительно направился внутрь. Впереди его ждал непростой разговор, от которого зависели жизни его друзей.

Глава 2

Солнце уже было в зените, когда Томас поднялся к шерифу. Двухэтажное здание шерифской конторы стояло на главной улице городка между торговыми лавками и почтовой конторой. Потемневшие от времени доски, выцветшая вывеска с полустёртой надписью «Sheriff's Office» и широкая веранда с покосившимися перилами придавали строению вид усталого, но всё ещё гордого стража порядка. Тени от перил ложились на доски косыми полосами, а в приоткрытом окне второго этажа лениво шевелилась занавеска.

На первом этаже располагался офис приёма — просторное помещение с высоким потолком, где пахло пылью, табачным дымом и старым железом. У входа, сразу за скрипучей дверью, стояла массивная стойка из грубо обтёсанного дерева — за ней служитель правопорядка принимал жалобы горожан и заносил сведения в потрёпанный журнал. На стене висели объявления о наградах за поимку преступников: выцветшие листы с расплывшимися чернилами, пришпиленные гвоздями и кнопками. В углу тихо тикали тяжёлые напольные часы, их мерный ход словно отсчитывал секунды до очередной заварушки.

Рядом с приёмной находилась камера для заключения под стражу — небольшая, но надёжная. Толстые железные прутья, почерневшие от времени, отделяли её от остального помещения. Внутри — узкая скамья из необработанных досок и ведро в углу. Пол был усыпан соломой, которая не столько смягчала жёсткость места, сколько впитывала влагу и запахи. Дверь камеры запиралась на тяжёлый навесной замок, а ключ всегда хранился у шерифа — или у его доверенного помощника, если сам шериф был в отъезде.

Лестница на второй этаж вела прямо из приёмной — крутая, узкая, с потёртыми ступенями, которые предательски скрипели при каждом шаге. Наверху, на втором этаже, размещалась собственно контора шерифа: небольшое, но светлое помещение с двумя окнами, выходящими на улицу и на задний двор. Здесь стоял тяжёлый дубовый стол, заваленный бумагами, картами местности и папками с делами. На стене — винтовка на крюке и пара револьверов в кобурах, всегда под рукой. В углу притулился старый сейф с облупленной дверцей — в нём хранились важные документы и изъятое оружие. У окна — кресло с продавленной обивкой, в котором шериф нередко засыпал после долгих дежурств.

С заднего двора к зданию примыкал небольшой навес, где держали лошадей и хранили снаряжение. Оттуда же вела неприметная дверь — запасной выход на случай, если кому-то придётся покинуть контору быстро и незаметно.

Весь облик конторы говорил о том, что здесь привыкли к делу, а не к парадности: всё было рассчитано на практичность и деловитость.

Пыльные лучи косо падали в окно кабинета шерифа Баббита, подсвечивая клубы табачного дыма, висевшего в воздухе, в тот момент, когда Томас поднялся на второй этаж. Приоткрытая занавеска пропускала солнечный свет в половину окна. Светлые лучи падали на потёртую кожу кресел, на стопки бумаг, на серебряный значок шерифа, тускло поблёскивавший на груди. В тесном помещении пахло табаком, старым деревом и чем-то кислым — то ли пролитым виски, то ли годами копившейся усталостью.

Томас, грузный, с округлым лицом, в котором читалась доброта, слегка наклонился вперёд, упираясь ладонями в край стола. Его шляпа лежала рядом, поля помяты от долгой дороги. Он говорил тихо, но настойчиво:

— Шериф, я понимаю, что у вас забот хватает, но эти люди... они не бандиты, не головорезы. Это простые старатели. Я бок о бок с ними несколько месяцев прожил, видел, как они спину гнули, как в ледяной воде золото мыли. Теперь у них есть груз — и немалый. А дорога

до города — как ловушка: каньоны, перевалы, места, где тень сама по себе кажется угрозой. Прошу, дайте хоть двоих ребят, пусть поедут с обозом. Хоть какое-то будет прикрытие.

Шериф Баббит нервно поправил значок. Его лицо, худое и острое, дёрнулось в едва заметной гримасе. Он не смотрел Томасу в глаза — водил взглядом по столу, перебирал какие-то бумажки, как будто искал там ответ, который ему уже был известен.

— Людей не хватает, Томас, — произнёс он чуть резче, чем следовало. — У меня тут не армия, чтобы каждого старателя по дороге сопровождать. Да и зачем? Они сами себе хозяева. Если золото добыли — значит, и защитить сумеют. У них кирки, лопаты, да и ружья кое у кого найдутся.

Томас чуть нахмурился, но голос его остался мягким:

— Ружья — это одно, а банда Слотера — совсем другое. Вы же сами знаете, что они рыщут по этим тропам, как волки. Старатели не воины, шериф. Они привыкли землю копать, а не стрелять.

Баббит наконец поднял глаза — в них мелькнуло что-то холодное, расчётливое. Он откинулся на спинку стула, и тот жалобно скрипнул.

— Томас, — протянул он, растягивая слова, словно пробуя их на вкус, — ты слишком переживаешь. У меня мало людей и они мне нужны здесь в городе.

— Я должен вернуться, — твёрдо сказал он. — Там Джон Макбери, не могу я его бросить.

— Может, тебе вообще не стоит туда возвращаться? Дорога долгая, опасная... Кто знает, что там случится. Так что... не спеши.

В этих словах прозвучал не совет, а едва прикрытый намек. Томас почувствовал, как внутри что-то сжалось, но он постарался не подать виду.

Шериф помолчал, потом медленно выдвинул ящик стола. Томас напрягся. Баббит достал деньги, скрученные в тугой рулон, и положил его на стол, подтолкнув к Томасу.

— Возьми, — коротко бросил он. — На дорогу... но только выезжай через пару дней. Считай это благодарностью за то, что не лезешь, куда не надо.

Томас замер, глядя на рулон. Внутри что-то шевельнулось — обида, гнев, но тут же угасло, сменившись усталостью и какой-то тихой покорностью. Он был человеком мягким, не привыкшим к резким отказам, к открытой вражде. И сейчас ему казалось, что проще взять деньги, уйти, а потом уже решать, как быть дальше.

Он медленно протянул руку и взял тугой рулон, чувствуя, как бумага холодит пальцы.

Баббит едва заметно усмехнулся — не добро, а скорее с облегчением.

— Вот и славно, — кивнул он. — Главное — не торопись. Пусть всё идёт своим чередом.

Томас надел шляпу, кивнул и вышел из кабинета, оставив за спиной запах табака, старого дерева и чего-то неуловимо гнилого, что витало в воздухе — не от вещей, а от слов, от взглядов, от самой атмосферы этого места. На улице солнце било в глаза, и Томас на мгновение зажмурился, будто пытаясь стряхнуть с себя липкую паутину только что состоявшегося разговора. Деньги тяжело лежали в кармане, напоминая о том, что мир устроен не так просто, как хотелось бы. Томас направился в салун, чтобы утопить в виске остаток горечи.

Пыль, поднятая порывом ветра, метнулась внутрь, когда дверь салуна «Пылающий кактус» со скрипом распахнулась. Томас, сидящий возле столика с игроками в покер, посмотрел на входящего.

На пороге возник шериф Баббит. Его опрятный мундир и тяжёлый ремень с кобурой сразу выделяли его среди завсегдатаев. Внутри царил полумрак, разбавленный косыми лучами заката, пробивавшимися сквозь мутные окна. В воздухе витал густой запах виски, табачного дыма и пота. У стойки, протирая стакан засаленным полотенцем, стоял бармен — коренастый мужчина с седой щетиной и цепким взглядом. Его звали Хэнк Доусон; он знал каждого в округе и умел хранить чужие секреты — за умеренную плату.

Баббит неспешно подошёл к стойке.

— Вечер, Хэнк, — коротко бросил он, не повышая голоса.

— И тебе того же, шериф, — отозвался бармен, едва заметно склонив голову. — Как дела в городе?

— Тихо, — ответил Баббит, скользнув взглядом по залу. — Пока тихо. Дай мне стакан воды.

Хэнк молча налил воды из кувшина. Пока шериф делал глоток, глаза его снова обшарили помещение. В дальнем углу, в густой тени, сидел незнакомец. Лица почти не было видно из-за низко надвинутой шляпы, но Баббит знал: тот ждёт.

Шериф поставил стакан на стойку, чуть наклонил голову — едва уловимый кивок, который заметил бы только тот, кто знал условный знак. И тут же, словно по сигналу, незнакомец неторопливо поднял руку, поправил поля шляпы и встал. Его движения были спокойными, лишёнными лишней суеты — так двигается человек, привыкший к опасности. Не оглядываясь, он направился к выходу. Дверь снова скрипнула, и незнакомец растворился в золотистом свете заката, оставив после себя лишь лёгкое шевеление пыли. Баббит ещё мгновение постоял у стойки, потом снова посмотрел на Хэнка.

— Как дочка? — бросил тот, как бы между делом.

Короткий вопрос Хэнка о дочери прозвучал скорее по привычке, чем из настоящего интереса. Шериф что-то буркнул. Хэнк не стал прислушиваться к ответу — просто кивнул, как делают старые приятели, когда шериф попрощался.

Томас наблюдал за происходящим будто сквозь мутную пелену — каждое движение шерифа отпечатывалось в сознании с пугающей чёткостью. Лёгкий, почти незаметный кивок шерифа посторонний бы не приметил. Но Томас приметил. Он не знал, кому предназначался знак и зачем. Может, шерифу нужно было, чтобы тот человек ушёл, а может, наоборот — чтобы он появился в нужном месте. Кто знает... От этой неясности в груди всё сильнее разрасталось липкое, тяжёлое чувство беды.

А ведь ещё совсем недавно, когда он брал у шерифа деньги — те самые, что теперь жгли карман своим недобрым теплом, — Томас убеждал себя, что это просто сделка, что он ничем не рискует. Теперь же казалось, что с той самой минуты, как он принял эту монету, он стал частью чужой, опасной игры.

Через пару дней Томас выехал на прииск. Он решил проехать через ранчо Макберри. Тропа, ведущая к ранчо, сперва петляла между низкими холмами, покрытыми жёсткой, выгоревшей на солнце травой. Здесь не было следов привычного хозяйства: ни заборов, ни коновязей, ни сараев — только дикая земля и редкие кусты, цеплявшиеся за камни. Только ближе к ранчо появлялись выгоны, где бродили коровы и стояли одинокие стога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.